

процессуальному кодексу РФ / Под ред. И.Л. Петрухина. С. 136; Уголовно-процессуальное право РФ / Под ред. П.А. Лупинской. С. 155-157.

²⁵ Автор апеллирует к разъяснению Сената о том, что при столкновении в одном лице обязанности защитника и др. с обязанностями свидетеля предпочтение должно быть отдано последним. Основание такого предпочтения, резюмирует он, то, что свидетелей создает лишь деяние судимое, защитником же может быть всякое лицо, занимающееся хождением по чужим делам. См.: Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 314.

²⁶ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. А.Я. Сухарева. С. 131.

²⁷ Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 168.

²⁸ Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. С. 8-10.

²⁹ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 4. С.14

Р.Г. Бубнов*

Взаимоотношения субъектов обвинительной деятельности и суда

Институт обвинения является исключительно важным и значимым в уголовном судопроизводстве любого государства, ибо без обвинения нет процесса. Построение обвинения, то есть принципы его организации и соответствующая правовая регламентация, являются определяющими при ответе на вопрос о форме уголовного процесса и степени его демократичности.

Как отмечает В.М. Савицкий, «исследовать обвинение — значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса, подвергнуть анализу самые основные, наиболее существенные его понятия»¹.

В связи с этим во все времена научному анализу обвинения придавалось особое значение. Так, в науке советского уголовного процесса

---

* © Бубнов Р.Г., 2005.

разработке проблем обвинения, его форм, обвинительной деятельности и ее осуществлению участниками уголовного судопроизводства были посвящены труды таких ученых, как С.А. Альперт², В.Г. Даев³, Я.О. Мотовиловкер⁴, В.М. Савицкий⁵, М.С. Строгович⁶, Ф.Н. Фаткуллин⁷.

Большинство работ были написаны в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. В настоящее время на основе реализации в России Концепции судебной реформы и принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ многие вопросы приобрели новый смысл и новое звучание.

Основу реформы законодательства составляют, прежде всего, социально-экономические предпосылки. В условиях рыночной экономики, когда государственная монополия вытесняется частным интересом во всех областях жизни общества, у последнего возникают уже новые потребности. Законодатель в данном случае вынужден проявлять адекватную реакцию на происходящие перемены путем обновления законодательства, соответствующего новым потребностям развивающегося общества.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства обусловлено теми же потребностями общества.

Бытовавший прежде в науке акцент на защите государственных интересов в уголовном судопроизводстве переместился на данном этапе развития общества в сферу частных интересов, что связано с необходимостью защиты в первую очередь прав и законных интересов личности при отправлении правосудия.

Причем речь идет не только о защите прав и свобод подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, то есть лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование и права которых неизбежно ограничиваются в ходе уголовного процесса, но и лиц, которым причинен вред совершенным преступлением.

Независимость формирующегося в стране гражданского общества от государства и его растущая активность породили большую самостоятельность частных лиц в выборе своей процессуальной позиции по уголовному делу, целей и возможных способов их реализации. Эта тенденция отразилась в новом законодательстве страны; она также отмечается и другими авторами⁸.

Состязательное построение процесса предполагает теперь не только наличие спора между сторонами обвинения и защиты и равенство их прав на участие в этом споре, но и предоставление возможности частному лицу участвовать в уголовном преследовании наравне с государством в лице его правоохранительных органов.

Данное обстоятельство нашло отражение в уголовно-процессуальном законе. Так, в главе 6 УПК РФ потерпевший и гражданский истец, а также их представители отнесены законодателем к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения наравне с другими его участниками, представляющими государство (прокурор, следователь, начальник следственного отдела, орган дознания и дознаватель).

Впервые законодатель в ст. 22 УПК РФ закрепил положение о праве потерпевшего и (или) его представителя на участие в уголовном преследовании обвиняемого, а в п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ — право потерпевшего поддерживать обвинение.

Сравнительный анализ ст. 42 УПК РФ и ст. 53 УПК РСФСР, определяющих права потерпевшего в ходе уголовного процесса, показывает, что полномочия потерпевшего, как самостоятельной стороны, в новом законе более четко регламентированы и существенно расширены.

Такие полномочия потерпевшего, как право знать о предъявленном обвиняемому обвинении; давать показания; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; иметь представителя; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя, и знакомиться с протоколами данных следственных действий, подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта; с материалами уголовного дела; получать копии процессуальных документов следствия; участвовать в судебном разбирательстве, в том числе в судебных прениях, дают возможность потерпевшему активно участвовать в уголовном преследовании обвиняемого. Это же касается и гражданского истца, правомочия которого определяются в ст. 44 УПК РФ.

Однако при обращении к другим положениям действующего закона оказывается, что законодатель все же проявил весьма осторожный подход при определении права потерпевшего на участие в уголовном преследовании. Закрепленные в законе права потерпевшего в значительной мере носят декларативный характер и не обеспечены реальными процессуальными гарантиями для их реализации.

Справедливо замечено Н.Е. Петровой, что «новый УПК РФ не только сохранил практически полную зависимость судьбы потерпевшего от «доброй воли» чиновников, ведущих расследование, но и в ряде случаев усилил самодостаточность государственного волеизъявления, никак не связанного с мнением частных лиц, ради которых якобы (в силу ст. 6 УПК РФ) осуществляется все судопроизводство»⁹.

Наиболее остро проблема реализации прав потерпевшего на участие в уголовном преследовании проявляется при анализе ст. 246 УПК РФ. Речь идет о последствиях отказа государственного обвинителя от обвинения. Многими авторами было верно отмечено, что установленный запрет на обжалование потерпевшим прекращения уголовного дела и уголовного преследования в стадии судебного разбирательства вследствие отказа от обвинения государственного обвинителя влечет (в отличие от стадии предварительного расследования) ограничение конституционных прав потерпевшего на доступ к правосудию¹⁰.

Результатом дискуссий по данному вопросу, анализа судебной практики и проверки Конституционным Судом указанных положений УПК РФ на предмет их соответствия Конституции РФ стало принятие им Постановления от 8 декабря 2003 г. N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан», которым положения ч. 9 ст. 246 УПК РФ, не допускающей пересмотра определения или постановления суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, были признаны не соответствующими Конституции РФ.

При этом Конституционный Суд указал, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты (заметим, что ч. 7 ст. 246 УПК РФ предусмотрела необходимость мотивировать отказ государственного обвинителя от обвинения).

Постановление Конституционного Суда – заметный шаг вперед в решении проблемы обеспечения прав потерпевшего. Однако в УПК РФ, вообще не допускающем обжалование решения государственного обвинителя об отказе от обвинения, естественно не предусмотрен и механизм обжалования такого отказа. Конституционный Суд прошел мимо проблемы, породив тем самым череду неразрешимых противоречий.

Не ясно, как и какой суд будет оценивать обоснованность и законность отказа от обвинения по жалобе участника процесса.

Следуя логике Конституционного Суда, можно предположить, что жалоба участника (к примеру, потерпевшего) может быть направлена только в суд кассационной инстанции, предметом рассмотрения которого в соответствии с ч. 3 ст. 354 УПК РФ являются не вступившие в законную силу решения судов первой и апелляционной инстанций.

Направление жалобы в надзорную инстанцию было бы лишено смысла, так как в соответствии со ст. 405 УПК РФ здесь не допускается возврат к худшему, то есть пересмотр судебного акта по мотивам, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, о чем фактически идет речь в жалобе.

Согласно ст. 373 УПК РФ, суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобам и представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора и иного судебного решения.

Полагаем, у суда кассационной инстанции возникнут большие сложности при рассмотрении жалобы потерпевшего или гражданского истца (а также возможного в этой ситуации представления вышестоящего прокурора) на определение или постановление суда первой инстанции о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения.

В силу установленной в ч. 7 ст. 246 УПК РФ обязанности суда первой инстанции прекратить дело при отказе прокурора от обвинения, независимо от мотивировки такого отказа, прекращение дела судом в данном случае будет полностью соответствовать предписаниям УПК РФ, а следовательно, в законе отсутствуют основания для отмены постановления суда. Заметим, что Конституционный Суд не ставит под сомнение эту обязанность суда.

На практике постановление о прекращении уголовного дела обычно содержит скудную информацию о том, что государственный обвинитель отказался от обвинения со ссылкой на ст. 24 или 27 УПК РФ, в связи с чем суд выносит постановление о прекращении уголовного дела.

Анализируя ч. 7 ст. 246 УПК РФ, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, как и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Суд отметил, что непредоставление дан-

ным участникам процесса возможности изложить свое мнение лишало бы смысла или ограничивало бы другие, закрепленные в УПК РФ правомочия, обеспечивающие защиту их прав и законных интересов, такие как право выступать в прениях, обжаловать вынесенное судом решение, в том числе о прекращении дела в результате отказа государственного обвинителя от обвинения, а также доказывать его незаконность, необоснованность и несправедливость в вышестоящем суде.

Выдвинутые Конституционным Судом положения следует трактовать так, что в соответствующем постановлении (определении) суда о прекращении уголовного дела должны быть отражены обстоятельства дела, исследованные судом, развернутая мотивировка отказа прокурора от обвинения, а также мнения участников по этому вопросу. Но при этом на суд не возлагается обязанность высказать свое мнение относительно обоснованности и законности отказа прокурора от обвинения.

Такое положение представляется не вполне последовательным, ибо, с одной стороны, на суд в какой то мере возлагается обязанность подтвердить обоснованность отказа, а с другой — мнение суда об этом не приводится.

К этому следует добавить, что, согласно положениям ч. 5 ст. 236 и ч. 1 ст. 239 УПК РФ, суд обязан прекратить уголовное дело при отказе прокурора от обвинения также и в ходе предварительного слушания, что не вполне вписывается в трактовку Конституционным Судом отказа от обвинения как решения, принятого на основе исследования всех обстоятельств дела и заслушивания мнения участников процесса.

Необходимо также учесть, что неправильное применение прокурором норм уголовного законодательства при принятии решения об отказе от обвинения либо оставление им без внимания тех или иных обстоятельств, составляющих основу обвинительного тезиса, влечет автоматическое повторение данных ошибок судом, который не имеет иной альтернативы, как только прекратить уголовное дело, даже при несогласии с позицией прокурора.

Суд первой инстанции, таким образом, освобождается от обязанности мотивировать свое решение о прекращении уголовного дела, а следовательно, и от ответственности за правильность этого решения, так как единственным основанием для него продолжает оставаться отказ прокурора от обвинения.

Все это порождает сомнения в фактической возможности реализовать указания Конституционного Суда о проверке судом первой инстанции обоснованности отказа прокурора от обвинения.

Рассматривая кассационную жалобу или представление, суд второй инстанции вынужден будет подвергать анализу и соответствующей оценке именно позицию прокурора, отказавшегося от обвинения, а не суда, вынесшего определение или постановление о прекращении уголовного дела.

С точки зрения состязательного процесса это недопустимо. Подвергая оценке позицию государственного обвинителя, показывая ее несостоятельность, необоснованность или незаконность, суд кассационной инстанции неизбежно предпринимает вопрос о доказанности или недоказанности обвинения и склоняется к выполнению несвойственной ему обвинительной функции. Однако суд второй инстанции может исправлять лишь ошибки суда первой инстанции, а не ошибки государственного обвинителя, как, впрочем, и другого участника судопроизводства.

Возможность проверки судом первой инстанции обоснованности отказа прокурора от обвинения стала предметом обширной дискуссии среди ученых и практиков. Так, некоторые авторы прямо высказываются за возможность предоставления суду, рассматривающему дело по существу, права проверять законность и обоснованность отказа от обвинения¹¹.

Большинство членов судейского сообщества считают целесообразным установление контроля суда за отказом прокурора от обвинения, ибо «несовместимо со статусом суда такое положение, при котором суд вынужден был бы слепо повторять ошибку прокурора, неправильно квалифицирующего установленные в судебном заседании обстоятельства»¹², «и фактически ограничивается в своей компетенции по осуществлению правосудия позицией одного из представителей стороны обвинения»¹³. За установление судебного контроля над позицией прокурора выступают и некоторые прокурорские работники¹⁴.

Так, К. Амирбеков предлагает конкретную процедуру осуществления судом контроля над изменением обвинения прокурором в суде. По его мнению, «...процессуальный закон должен содержать норму, дающую в этом случае суду право на обращение к лицу, утвердившему обвинительное заключение, или к вышестоящему прокурору с запросом о проверке обоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения, отложив разбирательства дела до получения соответствующего заключения... Соответствующий прокурор, получив подобный запрос суда, должен был бы по закону своим заключением либо подтвердить позицию государственного обвинителя, либо поручить поддержание обвинения другому лицу, либо поддержать его самому»¹⁵.

Исходя из рассуждений автора непонятно, однако, как должен поступить суд в случае его несогласия с отказом от обвинения самого Генерального прокурора РФ. Ведь возможность участия Генерального прокурора РФ в качестве государственного обвинителя в суде не исключается законом. Такие случаи знает и практика, в частности, Генеральный прокурор РФ возглавлял коллегия из государственных обвинителей и выступал с обвинительной речью в деле по обвинению С. Радуева и др. в Верховном Суде Республики Дагестан (до этого, в 1961 году, Генеральный прокурор СССР выступал в Верховном Суде СССР в деле по обвинению летчика-шпиона Р. Пауэрса).

Предложенная К. Амирбековым и другими авторами идея заслуживает критической оценки. Представляется, что правы И. Ф. Демидов и А. Тушев в том, что «суд... не только не может осуществлять не свойственные ему обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения наряду с прокурором или вместо него, когда тот отказался от обвинения (постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П), но также ставить вопрос о необходимости пересмотра позиции, занятой стороной обвинения или стороной защиты, в результате исследования обстоятельств дела в судебном заседании»¹⁶.

Приведенные выше суждения ученых и практиков в защиту самостоятельности суда при принятии решения в случае отказа прокурора от обвинения наводят на мысль о том, что фактически речь идет о возвращении к положению ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР, согласно которому отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого¹⁷. Между тем еще в Концепции судебной реформы в 1991 году была поставлена задача освобождения суда от всех рудиментов обвинительной власти, препятствующих осуществлению сторонами их функций¹⁸.

Из изложенных выше размышлений можно сделать вывод: представленное Конституционным Судом потерпевшему, гражданскому истцу и другим заинтересованным в этом участникам процесса право обжалования постановления или определения суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения в системе действующих уголовно-процессуальных норм не обеспечено реальными гарантиями для его реализации.

Вряд ли верно полагать, что права потерпевшего или гражданского истца эффективно защищаются прокурором, поскольку «участвуя в су-

дебном рассмотрении уголовного дела, прокурор не только осуществляет уголовное преследование... но и обеспечивает защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления»¹⁹, так как «прокурор выступает гарантом прав и свобод... всех граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства... в силу его служебного долга и осуществляемой им в уголовном судопроизводстве правозащитной функции»²⁰.

По нашему глубокому убеждению, основной задачей науки уголовного судопроизводства и, соответственно, законодателя является создание таких процессуальных механизмов, которые изначально гарантируют защиту участников процесса от возможного злоупотребления предоставленными законом правами, особенно когда речь идет об осуществлении властных полномочий органами государства и их должностными лицами.

Положение, согласно которому позиция прокурора не контролируется судом, в чем своеобразно проявляются «начала диспозитивности применительно к деятельности государственного чиновника в суде»²¹, нуждается в дополнении его особыми гарантиями защиты прав других субъектов обвинительной деятельности — потерпевшего и гражданского истца — от произвола конкретного государственного обвинителя.

В отличие от УПК некоторых стран СНГ (Казахстан, Украина, Беларусь) российский УПК не обязывает суд выяснять мнение потерпевшего или гражданского истца при принятии решения о прекращении уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения и не допускает возможность дальнейшего продолжения в такой ситуации судебного разбирательства. В связи с этим некоторые авторы склоняются к признанию уголовного процесса современной России — обвинительным²², имея ввиду его инквизиционный характер.

Конституционный Суд неоднократно предписывал судам выяснять мнение потерпевшего относительно обоснованности и законности отказа государственного обвинителя от обвинения. На практике суды в целом выполняют данное предписание, но лишь формально, так как от мнения потерпевшего решение суда уже не зависит.

Следует согласиться с тем, что реальной гарантией соблюдения прав потерпевшего было бы предоставление ему права самостоятельно подерживать обвинение в случае отказа от него прокурора, как это предлагается многими авторами²³.

Так, С.А. Шейфер, анализируя положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ, отмечает, что «если мы хотим видеть в потерпевшем активного участника

процесса, надо вернуть ему право поддерживать обвинение в суде, несмотря на отказ прокурора от обвинения»²⁴.

Однако такое положение закона потребует признания за потерпевшим права на самостоятельное осуществление уголовного преследования и на предварительном следствии, наравне с органами государства, так как отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение на досудебной стадии фактически означает ограничение права потерпевшего на доступ к правосудию.

Следует признать, что для реализации предложенной концепции требуется детальная научная разработка основных ее положений применительно к действующим нормам УПК РФ и системе уголовного судопроизводства России в целом.

Шагом на пути к решению проблемы взаимоотношений субъектов обвинительной деятельности в судебном разбирательстве было бы установление следующих гарантий в УПК РФ:

1. Обвинительное заключение, будучи «завершающим актом уголовного преследования на стадии предварительного производства», в котором изложена «окончательная формулировка обвинения в материально-правовом смысле»²⁵, определяет пределы судебного разбирательства, а потому должно отражать не только мнение следователя, вынесшего соответствующее постановление, или прокурора, утвердившего соответствующее обвинительное заключение, но и позицию других субъектов обвинительной деятельности, в частности потерпевшего и гражданского истца. Это позволит потерпевшему и гражданскому истцу в дальнейшем обосновать перед судом свою позицию, особенно в случае расхождения ее с позицией государственного обвинителя.

2. Отказ государственного обвинителя от обвинения (а также его изменение) возможен только после исследования всех обстоятельств дела, то есть в прениях сторон, кроме случая, когда об отказе от обвинения заявлено всеми участниками судопроизводства со стороны обвинения.

3. С мотивировкой отказа от обвинения должны быть ознакомлены все участники процесса, а потому решение об отказе должно излагаться суду в письменной форме, с направлением копии всем участникам.

4. Каждый участник судебного разбирательства вправе представить суду письменное изложение своей позиции относительно отказа прокурора от обвинения либо изложить свое мнение в устной форме в прениях сторон с занесением в протокол судебного разбирательства соответствующего мнения участника. В любом случае суд обязан выяснить мне-

ние других субъектов обвинения — потерпевшего и гражданского истца.

По ходатайству государственного обвинителя, потерпевшего или гражданского истца суд при необходимости может отложить рассмотрение дела для подготовки соответствующего письменного заявления.

5. Если судом зафиксировано согласие всех участников со стороны обвинения на отказ от него, то дальнейшее разбирательство прекращается вынесением соответствующего постановления или определения суда, в котором отражается мнение каждого субъекта обвинения.

Пересмотр указанного постановления или определения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования ввиду отказа государственного обвинителя, потерпевшего и гражданского истца от обвинения допускается лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, в том числе и по представлению вышестоящего прокурора.

6. Если потерпевший и/или гражданский истец не согласны с позицией государственного обвинителя, суд вправе прекратить уголовное дело, если к тому имеются иные, помимо отказа прокурора от обвинения, основания, либо с учетом позиции прокурора, потерпевшего и других участников постановить обвинительный или оправдательный приговор.

В постановлении, определении или приговоре суда должны быть отражены позиции участников процесса, а также мотивы, по которым суд отклонил или посчитал верным то или иное мнение.

Таким образом, при отказе прокурора от обвинения в судебном разбирательстве функция обвинения не теряет своего значения, так как ее продолжают осуществлять потерпевший и гражданский истец, в части причиненного им совершенным преступлением вреда.

Следовательно, обязательным для суда является прекращение уголовного дела в случае отказа от обвинения именно стороны обвинения, а не одного из представителей этой стороны.

Предметом рассмотрения в суде второй инстанции по жалобе одного из участников судебного разбирательства или представлению прокурора станет уже не позиция государственного обвинителя, а решение суда по делу, основанное на рассмотрении всех представленных сторонами доводов, что соответствует назначению суда кассационной инстанции, проверяющего законность, обоснованность и справедливость приговора или иного судебного решения.

Примечания

¹ Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Изд-во «Наука», 1971. С.5.

² Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1974. 58 с.

³ Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С.84-87.

⁴ Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1976. 94 с.

⁵ В.М. Савицкий. Указ. соч.

⁶ Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 191 с.

⁷ Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. 170 с.

⁸ Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: изменение процессуальной формы // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому УПК РФ: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции г. Самара, 18-19 декабря 2002 г., / Под ред. С.А. Шейфера. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С.24; Иванов В.В. Гарантии прав потерпевшего в новом УПК РФ // Проблемы развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе: Сборник научных статей / Под ред. С.А. Шейфера. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 118.

⁹ Петрова Н.Е. Право граждан на участие в отправлении правосудия и проблемы организации уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Новый Уголовно-процессуальный кодекс в действии: Материалы круглого стола, г. Москва, 13 ноября 2003 г., / Отв. ред. И.Ф. Демидов. М.: ТК «Велби», Изд-во «Прспект», 2004. С. 59.

¹⁰ Подробнее: Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. № 8; Зеленин С.Р. Значение мнения потерпевшего при отказе прокуратуры от обвинения // Журнал российского права. 2002 г. № 5; Петрова Н.Е. Наделить потерпевшего правом уголовного преследования // Российская юстиция. 2002. № 12.

¹¹ Зеленин С.Р. Зависимость суда от позиции прокурора // Законность. 2001. №5. С. 14; Кобзарь В. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. №4. С. 24; Амирбеков К. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. №8. С. 32; Балакшин В. Состязательность или оппико-акустический обман? // Законность. 2001. №12. С. 23; Огородова А. Процессуальная природа отказа государственного обвинителя от обвинения: Материалы всероссийской студенческой научно-практической конференции «Эволюция российского права». УрГЮА, Екатеринбург, 14-15 апреля 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 261 и другие.

¹² Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. Российская академия правосудия. М., 2000. С. 155.

¹³ Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 25.

¹⁴ Вырастайкин В. «Пассивный» суд истины не установит // Законность. 2000. №8. С. 28.

¹⁵ Амирбеков К. Указ. соч. С. 32.

¹⁶ Демидов И., Тушев А. Указ. соч. С. 24.

¹⁷ Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. N 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» данное положение УПК РСФСР признано не соответствующим Конституции РФ.

¹⁸ Концепция судебной реформы в РФ. М., 1992. С.84-85.

¹⁹ Курочкина Л.А. Уголовное преследование и обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства // Новый Уголовно-процессуальный кодекс в действии: Материалы круглого стола, г. Москва, 13 ноября 2003 г. / Отв. ред. И.Ф. Демидов. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2004. С. 163.

²⁰ Настольная книга прокурора. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. С.654.

²¹ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М.: ТК «Велби», 2004. С. 83.

²² Филин Д. Обвинительный или исковой характер уголовного судопроизводства? Сравнительный анализ законодательства России и Украины // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 21.

²³ Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. С. 121; Эльдаров Н. Потерпевшему дать права частного обвинителя // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 18; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 105 и др.

²⁴ Шейфер С.А. Равенство прав обвиняемого и потерпевшего — необходимое условие их противоборства в состязательном процессе // Защита прав личности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Н.А. Лопашенко, С.А. Шейфера. Сер. «Права человека: сферы реализации». Вып. 2. Саратов: Сарат. ун-т, 2003. С. 75.

²⁵ Шейфер С.А., Шуваткин А.Н. К вопросу о правовом регулировании структуры и содержания обвинительного заключения // Юридический аналитический журнал. 2002. №3(4). С. 13.